

ДЕТЕКТИВ, НАПИСАННЫЙ ОФИЦЕРОМ ПОЛИЦИИ

ТАЕЖНАЯ БАНДА

Основано
на реальных событиях

ВИТАЛИЙ ЕГОРОВ

Детектив-реконструкция. Написан офицером полиции

Виталий Егоров

Таежная банда

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Егоров В. М.

Таежная банда / В. М. Егоров — «Эксмо», 2020 — (Детектив-реконструкция. Написан офицером полиции)

ISBN 978-5-04-109799-8

На городском кладбище хоронили пожилого мужчину. Когда уже начали опускать гроб в могилу, кто-то из присутствующих заметил на ее дне женскую сумочку. На кладбище срочно выехал старший оперуполномоченный по особо важным делам майор Обручев. Он обнаружил в сумочке студенческий проездной на имя Елены Кашиной – той самой, которая вот уже неделю находилась в розыске. Вскоре следственно-оперативная группа обнаруживает в тайге растерзанные медведем-шатуном останки людей со следами огнестрельных ранений...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109799-8

© Егоров В. М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Зловещая находка	7
1	7
2	8
3	13
4	17
5	19
6	22
По следам банды	25
1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виталий Егоров

Таежная банда

Светлой памяти безвременно ушедшего друга, същика с большой буквы Анатолия Окорокова посвящаю.

© Lukas Blazek, Hekla, Rustic / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Егоров В.М., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

В начале девяностых годов двадцатого столетия Главный информационный центр Министерства внутренних дел уже агонизирующего тогда СССР направил циркуляром с грифом «Для служебного пользования» в некоторые республики сведения о количестве убийств на душу населения в крупных и центральных городах не только Советского Союза, но и всего мира (в СССР эти данные до 1987 года были засекречены).

В этом списке Якутск занял лидирующее положение среди городов СССР и вошел в первую мировую десятку по количеству убитых людей на сто тысяч населения наряду с таким городом, как Кейптаун (ЮАР), и другими криминогенными полисами Африки, Азии, Латинской Америки...

Власти республики засунули данную информацию далеко под сукно, дабы не всполошить и не напугать население страшными цифрами.

Для сравнения: за один год в Москве тогда совершалось чуть более пятисот убийств, а в Якутске – под восемьдесят (цифра однажды доходила до ста), не считая тяжких телесных повреждений со смертельным исходом, это при том, что население Москвы в пятьдесят раз больше населения столицы Якутии.

Даже когда в Москве во времена разгула бандитизма девяностых счет убийств пошел уже на тысячи, она была далеко позади Якутска по количеству убитых людей на душу населения.

На борьбу с этим страшным злом были брошены самые лучшие силы уголовного розыска. Немногочисленная армия... Нет, не армия, а горстка наиболее подготовленных оперативников днями и ночами выкорчевывала из людской массы эту нечисть под названием «убийца».

Наряду с суровыми мужчинами-сыщиками плечом к плечу трудную службу несли и представительницы слабого пола, называть коих слабыми никому и в голову не приходило. Они, эти скромные труженицы сыска, были сильнее сильных.

Эта повесть именно о таких людях.

Зловещая находка

1

Поздняя весна. Снег сошел уже давно, но было по-осеннему прохладно, несколько дней не переставая дул северный пронизывающий ветер, заставляя горожан доставать теплые вещи из дальних уголков гардероба, куда они были засунуты по опрометчивости. Ведь люди полагали, что лето пришло окончательно. Но, увы.

В один из таких дней скончался Петр Синельников, шестидесяти пяти лет от роду, с виду не старый, еще крепкий и сильный человек, по профессии токарь. Покойный всю жизнь простоял у станка, три года назад ушел на заслуженный отдых, но, как это часто бывает, открылись старые болячки, и он, не сумев перебороть их, преждевременно ушел в мир иной.

На похоронах родные и знакомые тихо шептались, что усопший вполне мог жить и дольше, если бы не игнорировал врачей и вовремя начал лечиться, и что с его здоровьем подковы гнуть, а не в гробу «прохлаждаться».

Когда покойного выносили из квартиры, в узком проходе подвыпивший мужик неловко ухватился за днище гроба со стороны ног усопшего и нечаянно с грохотом уронил его на пол. Все присутствующие отметили про себя, что это дурной знак. «Топнул ногами, значит, вернется назад! Только за кем?» – встревоженно думал каждый из провожающих, желая побыстрее закончить ставшую зловещей церемонию похорон.

Для следования к месту захоронения директором предприятия, где трудился всю жизнь покойный, были выделены два автобуса-«пазика» – один в качестве катафалка, другой – для провожающих.

На кладбище по Маганскому тракту, расположенному на горе в северной части города, жена преставившегося – седовласая женщина благородной внешности в черном платке, – доселе державшая себя в руках, разрыдалась, когда мужчины закрыли и стали забивать крышку гроба гвоздями. Подруги потихоньку взяли плачущую вдову под локти и отвели в сторону.

Четверо мужчин, взявшись за длинные вафельные полотнища, приготовились опустить гроб в могилу, и тут кто-то из присутствующих воскликнул:

– Постойте, там что-то валяется! Надо бы поднять...

При внимательном рассмотрении на дне могилы из-под песка действительно проглядывалось что-то черное.

Мужчины откинули полотнища в сторону, и один из них, тот, кто помоложе, ловко упершись за дощатые перекладыны над могильной ямой, прыгнул вниз. Немного повозившись, он выкинул наверх женские вещи: черную кожаную сумочку, демисезонное пальто, сапожки. Мужчина не стал далее копаться в песке, быстро выскочил из ямы и, к ужасу окружающих, подрагивающим голосом объявил:

– Там может находиться и труп, надо бы вызвать милицию...

Наступила, в прямом смысле этого слова, гробовая тишина, которая через пару минут была нарушена душераздирающим воем безутешной вдовы.

Родственники покойного, немного посоветовавшись, переговорив с вдовой, которая была в полубморочном состоянии и мало что соображала, решили вернуть гроб обратно в автобус и вызвать милицию.

Все начали быстро расходиться, с вдовой остались лишь родные и близкие, которые сели в автобус и скорбно ждали приезда милицейского наряда.

2

Старший оперуполномоченный по особо важным делам майор милиции Анатолий Евсевич Обручев пообедал дома, когда на пейджере высветилась цифра «2», означавшая, что необходимо срочно явиться на работу.

Тут же позвонив в дежурную часть УВД и узнав, что на кладбище обнаружен труп, Обручев, прервав свой обед, заспешил к выходу.

Новенький «Москвич-41» – чудо отечественного автопрома, мечта многих советских мужчин, приобретенный по целевому чеку после долгой очереди, – поблескивая своими темно-вишневыми боками, терпеливо ждал владельца возле подъезда. Опер сел в машину, и она, нежно заурчав мотором, плавно тронулась с места, неся хозяина в сторону Маганского тракта.

* * *

Тридцатитрехлетний Обручев работал в уголовном розыске более восьми лет, последние три года из них – в убойном отделе управления, или, как он говорил про себя, в «тяжах» – в подразделении, занимающемся раскрытием убийств и тяжких телесных повреждений со смертельным исходом, а также розыском криминальных исчезновений людей. В связи с тем, что начальник вышеназванного отдела находился на лечении, он исполнял его обязанности.

Обручев был одним из опытейших сыщиков управления, начальство его уважало за вдумчивый и оперативный склад ума, все громкие дела поручались ему, и он справлялся с ними с присущими ему холодным расчетом и напористостью... Единственное, что мешало работе, – это постоянно донимающий его хронический насморк. Нос у Обручева был всегда немного припухший и отечный, что доставляло немало неудобств – без соответствующей капли в нос и платка в кармане он никогда не выходил из дома. Причем, если иной человек страдал аллергией только в межсезонье, Обручев мучился с нею круглогодично. Но это не мешало ему в перерывах между серьезной работой по раскрытию очередного убийства быть веселым и юморным человеком, всеобщим любимцем публики.

Однажды произошел курьезный случай: в многоквартирном доме убили братьев. Убийцы действовали в спешке и оставили на месте преступления рацию бытового назначения китайского производства. Преступление обещало стать скандальным, поэтому в управление прибыл заместитель министра, чтобы провести совещание и поставить перед личным составом задачу по быстрейшему задержанию преступников.

Для этого заместителя министра не было темы, в которой он не разбирался бы как профессионал своего дела. Если какой-нибудь эксперт говорил об обнаруженных следах преступления, замминистра его перебивал, вскользь напоминая, что в свое время он был лучшим экспертом в другой союзной республике, и выдвигал свою точку зрения. Следователям рассказывал, что был когда-то лучшим их коллегой, расследовавшим самые загадочные и сложные преступления. А уж быть ему в свое время классным сыщиком – сам бог велел. Однажды, когда один парашютист в кругу милиционеров вспомнил о своем вынужденном затяжном прыжке, наш «заливало» ухмыльнулся и сказал, что прыгнул вообще без парашюта, вернее, последний не раскрылся, но, тем не менее, он остался жив благодаря высоковольтной линии, спружинившей при падении, и стогу сена, куда он благополучно приземлился.

Все знали о его причудах, но, улыбаясь про себя, делали вид, что верят рассказам милицейского Мюнхгаузена.

Собрав личный состав управления, заместитель министра объявил:

– Убиты два человека в своей квартире, и преступление до сих пор не раскрыто. Министр недоволен, что в городе произошел такой серьезный случай, и требует скорейшего его раскры-

тия. Кто доложит о преступлении и проводимых мероприятиях с целью установления лиц, совершивших это злодеяние?

– Я, – встал с места Обручев. – Разрешите доложить!

– Докладывайте.

– Братья Тюрины, Василий и Кирилл, жили с матерью в крупнопанельном доме по улице Попова. Вечером, когда мать пришла с работы, дверь в квартире была открыта, она зашла внутрь и обнаружила трупы своих сыновей: одного в прихожей, а другого в ванной комнате, оба с многочисленными ножевыми ранениями. Женщина никого не подозревает, предполагает, что это были случайные люди. Но есть один примечательный факт в этой истории – преступники оставили на месте рацию. Она китайского производства, непрофессиональная, бытового назначения, радиус действия не более трехсот метров.

– Ага! – оживился заместитель министра. – Значит, убийство заказное, надо искать киллеров, не зря же они рацию оставили на месте!

Обручев удивленно взглянул на руководителя, но, вспомнив его чудачества, со всей серьезностью парировал:

– Вообще-то, когда совершается заказное убийство, иногда скидывают оружие преступления, чтобы дать понять правоохранителям серьезность намерений и бесполезность поиска преступников. Но скидывать рацию...

– Не надо, Анатолий Евсеевич! – с возмущением отреагировал высокий начальник. – Теперь в Москве при заказном убийстве скидывают все!

– А-аа, понятно, отстал от жизни, – ответил Обручев, присаживаясь и пытаясь сохранять серьезность, но все-таки не выдержал – негромко прыснул со смеху.

Заместитель министра укоризненно взглянул на оперативника и продолжил совещание.

Когда он, преисполненный важности, поставил всем задачу по быстрейшему раскрытию преступления и покинул зал заседания, Обручев попросил личный состав задержаться на месте. Выйдя на сцену, он с насмешливой иронией обвел взглядом зал – зная его веселый нрав, оперативники заулыбались в предвкушении очередного шуточного спектакля, но Обручев заговорил с самым серьезным видом:

– Все тут закостенели. В Москве уже по-другому убивают, а мы со своими старыми методами отстали от жизни! Так скоро дойдем до ручки, перестанем вообще раскрывать убийства. Давайте покажу вам, как совершается преступление в Первопрестольной.

Он вытащил из кобуры пистолет, освободил от тренчика и изобразил выстрел в сторону, приговаривая:

– Таак, человек убит, теперь оружие преступления надо оставить на месте.

Положив пистолет на пол и сделав шаг назад, снял пиджак и бросил на пол:

– Его тоже надо выкинуть.

Потом наклонился и стряхнул с ног полусапоги, оставшись на сцене в одних носках:

– Их непременно оставить... Теперь выкидываем пейджер, рацию... Что я еще забыл? Ах да, надо бы снять и брюки, но этого сейчас не буду делать, ввиду того, что в зале женщина. Вот так все происходит, а вы, темные, сидите в провинции и ничего не смыслите в новых трендах криминалистики. Надо идти в ногу со временем!

Хохот в зале стоял такой громкий, что туда заглянул начальник управления:

– Что случилось, почему такое веселье? – и, увидев Обручева в расхристанном виде, удивленно спросил:

– Анатолий Евсеевич, что с вами?

Зал ответил ему очередной громогласной порцией хохота.

Через два дня Обручев раскрыл преступление. Оказалось, что убийство было совершено с целью ограбления, а рацию применили для связи с наводчиком, но впопыхах оставили ее на месте преступления. Вот тебе и «заказное убийство»!

* * *

Когда Обручев прибыл на кладбище, работник проводил его до злополучной могилы, где его встретили родные и знакомые покойного. Окинув взглядом людей и смекнув, кто может быть тут за главного, он подошел к высокому мужчине в длинном кожаном пальто и представился:

– Майор милиции Обручев, из уголовного розыска. Расскажите, что здесь случилось, и где труп?

– Да нет пока никакого трупа, – тихо проговорил мужчина, очевидно, не желая, чтобы его слова были услышаны вдовой. – Меня зовут Сергей Виссарионович, вот приехали хоронить покойного, а тут такая картина...

– Так что же все-таки случилось? – повторил свой вопрос Обручев, досадуя, что приехал по ложному вызову: никакого трупа нет, дежурный что-то напутал.

– Давайте все по порядку, – ответил мужчина и жестом предложил пройти в сторону могильной ямы. Подойдя к женскому пальто, он приподнял его носком ботинка, проговаривая:

– Вот что нашли в могиле, еще сапожки и сумку... Может, там и труп лежит – мы не знаем.

– А как вы их обнаружили? – спросил Обручев, поднимая с земли сумочку. – Как я понял, они же были засыпаны песком.

– Да, были засыпаны землей, но торчал кусочек сумки, парнишка спрыгнул и выдернул ее всю, а дальше – пошло-поехало...

– Не проверяли, что может быть под вещами?

– Нет, решили ждать вас.

Оперативник стал осматривать сумочку. «Натуральная кожа, довольно новая. Такими вещами не разбрасываются, она явно не со свалки», – думал он, открывая ее. Она оказалась пустой, но в боковом кармашке Обручев обнаружил студенческий проездной билет на имя Кашиной Елены, семьдесят первого года рождения, проживающей в общежитии среднего специального заведения. Затем он стал изучать пальто, обшарил все карманы: не обнаружив ничего интересного, отложил его в сторону. Почти новые сапожки тоже ни о чем не говорили.

Подобрав воткнутую в землю лопату, Обручев спрыгнул на дно могилы и стал ворошить землю. Люди с плохо скрываемым ужасом обступили край могилы и теперь ждали мрачной вести об обнаружении самой обладательницы найденных вещей.

Покопавшись немного в могиле, Обручев нашел женскую маечку белого цвета и красную косметичку с зеркальцем и помадой. Закончив с поиском, он вылез наверх и объявил ждавшему его людям:

– Далее мерзлота, ничего больше нет в яме.

– А похоронить человека мы можем? – полушепотом спросил его Сергей Виссарионович. – А то уже два часа здесь торчим... Жена покойного извелась вся, ей в пору самой «Скорую» вызывать.

– Да, конечно, – машинально ответил ему Обручев, погруженный в изучение проездного билета девушки, но, спохватившись, негромко проронил: – Хотя... необходимо выполнить одну формальность. Я сейчас свяжусь с управлением, чтобы уточнить, где эта гражданка находится. Думаю, что это не займет много времени, а потом сможете спокойно похоронить человека... покойного.

Вытащив из кармана и повертев в руке полученную на днях портативную рацию немецкого производства, он отошел на почтительное расстояние от злополучной могилы и вызвал управление:

– «Ангара», «Ангара», ответьте «двенадцатому»!

– «Ангара» на связи.

– Я с кладбища, труп не обнаружен. Позовите к аппарату кого-нибудь из группы розыска пропавших граждан.

– Сейчас позовем.

Через пять минут рация снова заговорила:

– «Двенадцатый», «двенадцатый», ответь «Ангаре».

Обручев сразу узнал голос Яковлевой, оперативницы уголовного розыска, которая занималась поиском пропавших граждан.

– Да, «двенадцатый» на связи.

– Это я, Яковлева из группы розыска. Что случилось?

Людмила Карловна Яковлева, сильная и уверенная в себя женщина тридцати лет, мать двух прелестных девочек-близняшек, была способна дать фору любому оперативнику-мужчине. Она руководила подразделением, которое специализировалось на розыске преступников и пропавших без вести граждан. Оперов ее группы все называли розыскниками. Когда пропал человек, розыскники первыми брались за дело, устанавливая обстоятельства и причины исчезновения. Если же в ходе розыска добывались веские основания, что пропавший мог стать жертвой преступления, дело передавалось к «тяжам», где трудился Обручев. А, как известно, только в одном случае из десяти пропавший без вести становился жертвой преступления. Но это не помешало группе, руководимой Яковлевой, за один год самой раскрыть три убийства, сопряженных с сокрытием трупа. Поэтому Обручев, услышав голос Яковлевой, вздохнул с облегчением – за дело берется настоящий профессионал.

– Люда, в могиле нашли вещи женщины, пробей ее по своим учетам, может быть, числится среди пропавших без вести.

– А данные ее есть?

– Кашина...

– Кашина?! – закричала в рацию Людмила Карловна, не дав ему до конца высказаться. – Она пропала без вести, мы уже несколько дней ее ищем!

– Вот это да! – удивленно воскликнул Обручев и, немного подумав, распорядился: – Люда, собирай следственно-оперативную группу, поднимай следователя прокуратуры, эксперта, и все сюда. Похороны придется отменить, я буду охранять могилу до вашего приезда.

Когда он бросил взгляд в сторону людей, то заметил, что они, сгрудившись возле катафалочного автобуса, с потаенной надеждой смотрят в его сторону. Представив себя на их месте, от неминуемо тяжелого разговора с родными покойного у него заскребли на душе кошки: «Как им объяснить, что похороны придется отменить?! Такого, наверное, никогда не случилось на этом кладбище!»

На полпути Обручев остановился и помахал рукой, подзывая к себе мужчину:

– Сергей Виссарионович, подойдите ко мне!

Когда тот подошел, он задал вопрос:

– Как вдова?

– Совсем слаба. Уже стоять сама не может, поддерживают...

– Дела плохи, та девушка, чьи вещи найдены в могиле, пропала без вести. Я уже вызвал следственную группу, так что похороны сегодня придется отменить, мы закончим только к вечеру. А есть второй вариант: переговорите с работниками кладбища, пусть выделяют вам другую могильную яму, и сегодня же похороните...

– Ай, ай! – схватился за голову мужчина. – Получается, что эту девушку убили... А где же тогда тело? Вы же сами покопались в могиле, там ведь ее нет.

– Да, там пусто, но, скорее всего, ее уже нет в живых. Неделю назад она пропала...

– Что ж, попробую как-нибудь объяснить вдове... – топчась на месте, неуверенно проговорил мужчина.

– А давайте вместе подойдем к ней и поговорим, – предложил Обручев. – Как она скажет, так и поступите.

Услышав о том, что проводы родного человека могут быть омрачены возможным убийством невесты откуда взявшейся девушки, и что похороны придется отменить, женщина с окаменевшим лицом не проронила ни слова, она впала в состояние прострации, и родные повели ее под руки к автобусу. Посоветовавшись, решили вернуть гроб с телом обратно домой, чтобы похоронить на следующий день, а тем временем решить вопрос с могилой: хоронить здесь же или выбрать другое место.

Так дурная примета при выносе гроба из квартиры претворилась в жизнь столь жутким образом.

3

Перистые облака заволокли небо, было холодно и промозгло, ничего не предвещало, что через три дня наступит лето.

Обручев ждал группу. Подогнав машину поближе к могиле, он уже не выходил из нее, поскольку от пронизывающего ветра окоченел основательно, его знобило, донимал донельзя надоевший насморк. Следственно-оперативная группа прибыла где-то около пяти.

Когда приступили к осмотру могилы и найденных в ней вещей, Обручев решил поговорить с одним из рабочих кладбища. Помятый мужичок лет сорока пяти нехотя отвечал на вопросы оперативника.

– Кто копал могилу? – спросил его Обручев. – Не ты?

– Не-а, не я.

– А кто же?

– Гоша.

– А кто он?

– Не знаю.

– А где он сейчас, как мне с ним поговорить?

– Не знаю.

– Он у вас работает?

– Устроился временно, так, подхалтурить...

Во время этого разговора к собеседникам подошла полная женщина лет тридцати пяти и прогнала мужика прочь:

– Иди, Капитон, отсюда, иди, я сама поговорю с милиционером!

– А вы кто будете? – обрадовался Обручев, которому порядком надоел неразговорчивый свидетель. – Как к вам обращаться?

– Марфа Львовна, но можно просто Марфа, я старшая этих копателей... Ух, демоны, вот где они у меня сидят! – вдруг пожаловалась она оперу, тыча себя пальцем в пухлую шею. – Догляд и догляд за ними нужен! Алкаши! Так какие будут вопросы?

– А сколько их у вас этих... демонов-могильщиков? – улыбнулся он, в душе восхищаясь боевитостью храброй женщины, командующей целым отрядом не совсем трезвых мужчин.

– Около двенадцати-тринадцати человек, а бывает, и девять-десять.

– А почему такая приблизительность, точно не сможете сказать?

– Да просто нет постоянного состава: кто-то приходит, а кто-то уходит. Сами же видите, какой у меня контингент.

– Да, представляю. А теперь ближе к делу. Кто копал могилу?

– Гоша, Скворцов его фамилия. Как нашли вещи, мне сразу сообщили, я и уточнила, кто был копателем именно этой ямы. Рыл он эту могилу не адресно для кого-то конкретно, а впрок – готовые ямы всегда нужны. Три дня назад приходили родственники покойного и согласились хоронить его в этой могиле.

– А как этот Гоша появился у вас, и где он сейчас находится?

– Он постоянно общался с нашими, когда работал в морге санитаром и помогал хоронить бездомных. Его оттуда выгнали за прогулы и пьянку. А где он сейчас я не знаю, уж несколько дней его не видно.

– В морге?! – удивленно воскликнул Обручев. – Фотография его у вас имеется? Я почти всех санитаров морга знаю в лицо.

– Нет, он же неофициально устроен здесь, халтурит. За каждую яму платим деньги, работа сдельная.

– Где нам его сейчас найти? Прописка, местожительство, например?

– Да он бомжара, ночует где попало. Ошивался на Газовиков (пригород), сюда, на кладбище, приходил пешком.

– А с кем он копал? Кто-нибудь ему помогал?

– Официально копал один, но может пригласить своих собутыльников со стороны. Все равно деньги получает только за одного, а сколько их там копало – не знаю.

– А кто-нибудь видел, как он рыл могилу?

– Я и видела, когда обходила кладбище. Где-то неделю назад.

– С кем он был?

– Один.

– А какую-либо девушку на кладбище, конечно, не заметили?

– С Гошей, что ли? Какая может быть девушка с этим пропойцей! А кто она такая?

Подруга?

– Да сами толком не знаем, неделю назад она пропала без вести. Как ее вещи очутились в могиле – непонятно.

– Неужели Гоша способен на такое... Товарищ милиционер, может быть, она жива и где-то загуляла, а вещи ее украли? Я видела сапожки из могилы, они почти новые, такие могли и украсть.

– Может быть, может быть, – задумался Обручев, слушая женщину, которая давала крохотный шанс пропавшей девушке, что она, возможно, жива. Затем оторвал лист бумаги из блокнота, написал номер телефона и протянул ей. – Хорошо, Марфа, пока будем заканчивать. Возьмите мои координаты, если появится Гоша, или вдруг в окрестностях обнаружите что-то необычное, например, труп девушки, в любое время дня и ночи звоните в первую очередь мне.

– Упаси господи! – перекрестилась Марфа, принимая бумажку, и крикнула стоящему невдалеке Капитону: – Что здесь торчишь, иди, копай яму, и чтобы завтра к девяти могила была готова!

Сложив обнаруженные вещи в багажник своей автомашины, Обручев выехал с кладбища.

К семи он вернулся в управление и сразу направился к розыскникам, где застал Яковлеву за беседой с девушкой, которой на вид было лет двадцать. Увидев Обручева, оперативница обрадованно воскликнула:

– О, Анатолий Евсеевич, уже здесь?! После твоего сообщения с кладбища я вновь вызвала подругу пропавшей и повторно провожу беседу, уже третий раз за неделю. Хочешь с ней поговорить лично?

– Еще бы! Людмила, поставь, пожалуйста, чайник, меня насквозь продуло на горе, всего знобит, как бы не заболеть. Пока я буду беседовать с гражданкой, пробей этого гражданина по всем нашим учетам, – протянул он Яковлевой листок с данными могильщика Скворцова. – Ты должна его знать, он какое-то время работал в морге.

– Фамилия ни о чем не говорит, такого не помню, – ответила Яковлева. – Истребую фотографию, может быть, физиономия мне что-то подскажет.

– Да, фото обязательно, еще и размножить бы сразу, – кивнул Обручев. – Будем составлять ориентировку для розыска.

– Хорошо, я пошла.

– Итак, как тебя зовут? – обратился он к девушке, когда они остались вдвоем в кабинете.

– Марианна.

– Кем является для тебя пропавшая?

– Как бы подруга и однокурсница. Мы учимся в одном учебном заведении.

– А почему «как бы»?

– Она близко ни с кем не дружила, немного замкнутая в себе...

– Марианна, расскажи все о ней и о том, как она пропала, при каких обстоятельствах. Нам нужны любые детали, предшествующие ее пропаже, которые тебе могут показаться мелочью, недостойной внимания.

– Да, конечно, – кивнула девушка и, устроившись поудобнее на стуле начала говорить немного заученно, видимо, уже не раз после исчезновения подруги повторяла эти слова: – Родителей у Лены нет, она воспитывалась в детдоме. Ее из Алдана направили учиться в Якутск, жила с нами в общежитии училища. Как я уже упомянула, она немного замкнутая и неразговорчивая, никогда не делилась с нами своими девичьими секретами, как остальные студентки. В комнате нас пятеро, она более-менее близко общалась только со мной. Училась посредственно, большой тяги к знаниям за ней не замечалось. Естественно, свободных денег у нее не было, так, пособие и стипендия... Когда к новогодним праздникам у нее появилась модная кожаная сумка, все мы удивились, поскольку такую вещь никто из нас не мог себе позволить, несмотря на постоянную финансовую поддержку родителей. А тут она на свое пособие!.. Потом, ранней весной, у нее появились новые сапожки, и для всех нас это было шоком. Я даже примеряла эти сапожки и спрашивала, откуда они у нее. Она только нахмурилась и ничего мне не ответила. После Нового года Лена несколько раз не ночевала в общежитии, а тут еще хорошие вещи, все и заподозрили, что у нее появился молодой человек, но она категорически отрицала сей факт. Вот так и жили. Примерно неделю назад Лена не пришла в общежитие, мы решили, что она опять осталась ночевать у кого-то, и не придали этому большого значения. Но когда она не появилась и на второй день, мы все же сообщили об этом коменданту, а тот доложил руководству училища. Больше я ничего не знаю.

– А как вы думаете, Марианна, у нее действительно был парень? Это же трудно утаить, особенно от вас, от девчонок.

– В том-то и дело, что никто не знал и не видел его! Но кто-то у нее был, это однозначно: ведь где-то она ночевала! Опять же эти подарки, дорогие вещи... Нет, ничего не понимаю.

– Кстати, насчет вещей. Как я понял, ты сможешь опознать ее вещи?

– Что, их нашли?! И где же? А сама она тогда где находится? – с тревогой посмотрела на оперативника Марианна, пытаюсь понять, что он хочет этим сказать.

– Ничего пока не знаем. Сейчас пойдем к нам в кабинет, там посмотришь на вещи, может, что-нибудь опознаешь.

Когда Обручев развернул обнаруженное в могиле пальто, на пол высыпались завернутые в него вещи, увидев которые, Марианна воскликнула:

– Ленкины! Почему они в грязи?! Где она сама?!

Приподняв с пола косметичку, девушка вдруг стала громко рыдать, Обручев, пытаясь ее успокоить, налил в стакан воды из графина и протянул ей.

– На, выпей, успокойся. Я сейчас тебе подробно расскажу, где они обнаружены, а ты, в свою очередь, выскажи мне свои предположения, как они могли там оказаться.

– Я вас слушаю, – всхлипывая, прошептала Марианна. – Эту косметичку я ей подарила на 8 Марта...

– Мы нашли ее вещи в могиле, где сегодня днем должны были похоронить другого человека.

– Как, в могиле?! Как они там оказались?!

– Да, в могиле на Маганском тракте... Что-нибудь связывало ее с этим трактом или с поселком, примыкающим к горе, где расположено кладбище?

– Абсолютно ничего. По-моему, она в том районе ни разу не бывала.

– Хорошо, будем заканчивать. Если понадобится, мы вызовем тебя, а пока езжай в общежитие и постарайся никому не рассказывать о нашей беседе... А если вдруг проскользнут слухи, которые каким-то образом смогут пролить свет на тайну исчезновения твоей подруги, – сразу звони. Телефон моей коллеги Яковлевой у тебя, надеюсь, имеется?

- Да, она дала мне свой рабочий номер, – кивнула девушка.
- Вот ей и звони сразу, если что.
- До свидания, – попрощалась Марианна и поднялась. Но, прежде чем выйти из кабинета, остановилась на пороге и, немного помявшись, спросила:
 - Как вы сами думаете, есть надежда, что она жива и невредима?
 - Скажу честно. Шансы, что она жива, равны нулю, вопрос лишь в том, кто ее убил, и где запрядено тело.
- Вновь разрыдавшись от страшной вести, девушка быстро покинула кабинет.

4

Обручев собрался, было, к начальнику уголовного розыска на вечернюю планерку, но тут зашла Яковлева и, увидев пустой кабинет, поинтересовалась:

– А где Марианна? Побеседовал с ней, что она еще говорит?

– Я ее отпустил, – ответил Обручев, собирая разбросанные на полу вещи Кашиной и снова заворачивая их в пальто. – Кроме того, что она рассказала тебе, дополнительно ничего интересного не выдала, зато опознала вещи пропавшей. Что по Скворцову, могильщику этому?

– Судим трижды, в последний раз за тяжкие телесные повреждения, отбывал наказание в шестой колонии, освобожден два года назад. Без определенного места жительства. Где-то с год работал санитаром в морге, но был уволен за пьянку и перебрался на кладбище, стал рыть могильные ямы. Характеризуется с отрицательной стороны, как человек, склонный к совершению преступления и злоупотреблению спиртными напитками. – Яковлева протянула конверт: – Вот, возьми, там его фотография.

Обручев достал снимок, внимательно изучил его и негромко произнес:

– Знакомый мордень, припоминаю такого санитаря, постоянно под градусом... Пойдем к начальнику, доложим, там все уже собрались.

На планерке, после заслушивания руководителей подразделений, курирующих борьбу с различными направлениями преступности, более подробно остановившись на квартирных кражах, захлестнувших город, в конце начальник уголовного розыска объявил:

– А теперь послушаем «тяжей». Сегодня произошел экстраординарный случай, подобное я не припоминаю в своей работе. Обручев был на месте и подробно доложит о случившемся.

– Действительно редкий случай, я тоже не помню что-либо похожее: могила в могиле, это сколько же трупов можно запрятать, если иметь знакомого могильщика! Когда я прибыл на кладбище, родственники покойного мне объяснили, что на дне ямы заметили часть кожаной сумочки, засыпанную песком. Далее они обнаружили женское пальто и сапожки. В сумочке найден проездной билет на имя Кашиной, которая оказалась в розыске как пропавшая без вести при невыясненных обстоятельствах примерно неделю назад, дело ведет наша Людмила Яковлева. Дно ямы засыпано речным песком толщиной примерно двадцать сантиметров, далее следует вечная мерзлота. Песок находится в двадцати метрах от захоронения, и, очевидно, оттуда его перетаскали носилками, которые найдены недалеко от могилы. Я покопался на дне ямы, нашел еще маечку и косметичку с зеркальцем и помадой. Все вещи опознала подруга пропавшей, с которой последняя проживает в общежитии учебного заведения. Как поясняет подруга, Кашина иногда не ночевала в общежитии, но никому не рассказывала, где она бывает в это время. Пропавшая была скрытной, замкнутой девушкой, родителей у нее нет, воспитывалась в детском доме. Из вещей, которые обнаружены в могиле, сапоги и сумочку ей подарили, но никто не знает, кто этот благодетель. Что из всего этого вытекает?... Будем исходить из того, что ее нет в живых, она стала жертвой преступления. А поскольку мы знаем, что так тщательно случайную жертву никто не будет прятать, можно предположить, что убийца или убийцы хорошо знакомы с Кашиной. Мне представляется, что убитую привезли на кладбище с целью сокрытия под могилой другого человека, но глубина ямы оказалась недостаточной, и, в случае захоронения там девушки, это могло вызвать подозрение у родных официального, если так можно выразиться, покойного. У преступника или преступников времени углублять яму не было, ввиду мерзлоты грунта и невозможности быстрой его разморозки. Поэтому, оставив вещи под песком, тело девушки извлекли из могилы и перепрятали. Думаю, что она покоится недалеко от этого места, где-то там... Теперь о могильщике. Зовут его Скворцов Георгий, ранее неоднократно судим, без определенного места жительства. В последнее время работал

в морге санитаром, а теперь халтурит на кладбище. Он пропал, мы готовим ориентировку для его поиска. Какая-либо связь Кашиной со Скворцовым нами не выявлена.

– Все? – вопросительно посмотрел руководитель на Обручева. – По месту ее жительства работали?

– Да, я отработала по месту жительства, – поднявшись, сказала Яковлева. – Как тут доложил мой коллега, Кашина иногда не ночевала в общежитии. Сейчас будем работать в этом направлении, чтобы установить, к кому она ходила, с кем общалась. Думаю, загадка кроется там. После планерки группа розыска в составе пяти оперативников выдвигается в общежитие, чтобы поработать со студентами. Возможно, кто-то видел ее с этим неизвестным нам пока человеком. Но этот человек явно не Скворцов – не тот типаж. Как он ввязался в эту историю – предстоит еще выяснить.

– А где будете искать Скворцова?

– Сегодня изготовим ориентировки и раздадим всем службам, – доложил Обручев. – Завтра с утра схожу в морг и побеседую с работниками. Если живой, в течение нескольких дней, надеюсь, поймаем.

– А что, есть опасения, что он уже того... мертвец? На чем основываются твои догадки?

– А кому нужны лишние свидетели – чирк по горлу, и в могилу... – усмехнулся Обручев. – Это просто предположение, думаю, завтрашний день многое прояснит.

– Все, – подытожил начальник уголовного розыска. – Завтра вечером жду каких-либо результатов.

5

На следующий день Обручев с утра решил посетить морг, вышел во двор, но не успел сесть в машину, как пейджер оповестил его о том, что надлежит явиться в дежурную часть. Теряясь в догадках, он включил рацию и сделал вызов:

– «Ангара», «Ангара», это «двенадцатый». Кто меня ищет?

Из рации прозвучал голос Яковлевой:

– Анатолий, подъезжай, интересная информация по вчерашнему делу!

– Лечу!

Когда Обручев влетел в кабинет к розыскникам, то сразу увидел там вчерашнюю командиршу копателей могил.

– Что, нашли?! – выдохнул он, глядя на Марфу.

– Нет, нет, никого не нашли, – замахала та руками. – Я обнаружила свежую могилку на месте, где, по моим данным, ее не должно быть. Вот и пришла сообщить вам, а то вы просили же...

– Все правильно, Марфа, спасибо, – поблагодарил Обручев добровольную помощницу. – Далеко от вчерашней могилы?

– Не так далеко, метров семьдесят севернее.

– А как обнаружили? Кто именно нашел эту могилку?

– Я и нашла. Обходила кладбище и наткнулась. Как-то не по себе стало, порылась в документах, вроде такой могилы у меня не числится. Я сразу к вам и побежала.

– Делаем так, – решил Обручев. – Людмила, ты езжай с Марфой на кладбище и осмотри эту могилку сверху, ничего не трогай, может быть, какие-то следы там остались. А я тем временем съезжу в прокуратуру, договорюсь о вскрытии могилы. Без разрешения прокурора нельзя проводить эксгумацию.

В прокуратуре он застал заместителя прокурора Ефремова. Олег Иванович был человеком позитивным и, можно сказать, даже веселым, никогда не пропускал мероприятия в честь какой-нибудь даты или юбилея, устраиваемые уголовным розыском, где мог позволить себе лишнее, но на службе никому, особенно сыщикам, не давал спуска. Он являлся служакой старой закваски, неукоснительно придерживающимся буквы закона. «На кривой козе к нему не подъедешь», – язвили оперативники, идя к прокурору за санкцией, но, тем не менее, все его любили и уважали.

– Здравия желаю, Олег Иванович! – поприветствовал прокурора Обручев. – Хотел с вами посоветоваться.

– Здравия, здравия, – ответил Ефремов, посматривая на сыщика с хитрым прищуром. – Кого хотим арестовать, или обыск какой провести?

– Да не арестовать, а выкопать... Труп один нас интересует, эксгумацию бы провести.

– Так, так, значит, эксгумацию... – удивленно вскинул голову прокурор. – У кого в производстве уголовное дело?

– Да нет пока уголовного дела. Предполагаем, что убили девушку...

Когда Обручев рассказал прокурору о событиях последних дней, тот нахмуренно замолчал, обдумывая свое решение, и, наконец, изрек:

– Эксгумацию кого? Ты знаешь, кто лежит в той могиле?

– Нет, не знаю, – почесал затылок оперативник.

– А вдруг там собака или просто земля. Кого эксгумировать-то?

– Но мы хотели просто проверить...

– Оснований для проведения эксгумации нет. Ваши внутренние приказы позволяют вам проводить оперативный осмотр. Вот и проводите оперативный осмотр могилы... А может

быть, там и вовсе не могила, а простая куча песка. Если найдете что-то криминальное, наш следователь подключится.

Такое решение прокурора было равносильно разрешению на эксгумацию, и довольный Обручев помчался в управление.

Яковлева еще не прибыла с кладбища, Обручев решил сходить в изолятор временного содержания, чтобы взять к себе в помощники мелких хулиганов. Он не сомневался, что Марфа на кладбище поможет с рабочими для копки, но все же решил подстраховаться. Мелкие хулиганы содержались в камерах так же, как и уголовники, единственным отличием было то, что их утром выводили на различные хозяйственные работы. Многие хулиганы предпочитали трудиться на улице, чем находиться в душной камере со спертым воздухом, поэтому с радостью соглашались на любую работу, если приходил вербовщик.

В изоляторе, кроме Обручева, находились представители хозяйственной части и лечебного учреждения МВД, которые также прибыли за дармовой рабочей силой.

Дежурный изолятора выстроил двенадцать арестованных в шеренгу и объявил:

– Пять человек на уборку автомастерской. Есть желающие?

Небольшого роста арестованный, юркий и нахальный с виду тип, поинтересовался:

– Какие еще работы имеются? Огласите весь список, пожалуйста!

«Похож на карманного воришку, – мелькнуло в голове у Обручева, – явный отрицала, такой помощник нам не нужен».

По шеренге пробежал смехок, дежурный нахмурился и громко скомандовал:

– Отставить шутки! Кстати, Ковалев, почему ты в строю? Тут имеется рапорт Князева о том, чтобы тебя содержали без вывода на работу. Ну-ка, марш в камеру!

Под легкий гогот шеренги Ковалев, сопровождаемый милиционером, понуро побрел в сторону камеры.

«Точно карманник!» – удовлетворенно подумал Обручев, узнав, за кем числится шустрый арестованный: Князев руководил подразделением по борьбе с карманными кражами и, скорее всего, планировал «примерить» Ковалева к имеющимся нераскрытым преступлениям, пока тот находится в стенах изолятора.

– Имеется одна деликатная работа, ребята из уголовного розыска просят, – между тем продолжил дежурный. – Требуется два человека. Кто согласен?

– С уголовкой не связывайтесь! – издали крикнул Ковалев, за которым захлопнулась решетчатая дверь камеры. – Против нашего брата понятыми хотят представить!

– А ну, прекрати мне агитировать! – пригрозил ему пальцем дежурный. – Без тебя разберемся!

Обручев объяснил арестованным, что предстоит сделать:

– Необходимо выкопать одну могилу, для этого нужны два человека. Не бойтесь, земля не мерзлая, засыпана недавно...

– Эксгумацию будете проводить? – не дав досказать, прервал его интеллигентного, но пьющего вида мужчина лет сорока. – В таком случае, я согласен.

– А кто вы будете? – спросил его сыщик, удивляясь осведомленности мужчины в тонкостях юриспруденции.

– Пантелеев... Сергей Юрьевич, хирург, бывший. Дебош дома, жена и теща сдали сюда. В принципе, поступили правильно.

– Хорошо, Сергей Юрьевич, – с улыбкой кивнул ему Обручев (хирург пришелся ему по душе) и, уже обращаясь конкретно к нему, спросил: – А второго кого возьмем?

– А можно мне? – шагнул вперед молодой мужчина. – Сотников Игорь, хулиганство в автобусе, пятнадцать суток, шесть отсидел. Копать – моя профессия.

Обручев взглянул в глаза хирургу, тот мигнул и коротко качнул головой, что означало, что он против кандидатуры Сотникова ничего не имеет.

Взяв этих двоих мелких хулиганов, Обручев отправился в управление. На полпути он остановился, выгреб из кармана деньги и протянул их Пантелееву:

– Сергей, сходите вдвоем в магазин и купите себе что-нибудь покушать – в изолятор не успеете к обеду, будем на кладбище до вечера. Возле управления будет стоять вишневый «Москвич», возле него меня и ждите, когда вернетесь.

– Сию минуту! – обрадовался арестованный. – Мы быстро!

У розыскников Обручева уже ждали. Яковлева рассказала о поездке на кладбище:

– Марфа провела меня до той могилы. Она оказалась в том районе кладбища, где хоронят бездомных. Видно, что земля свежая, от силы, месячной давности. Мы с ней еще раз посмотрели документы, но такой могилы там не значится. И номера нет на захоронении... Не знаю... Может еще попробовать поискать этого Скворцова, а могила никуда не денется, всегда сможем ее вскрыть попозже... – Она вдруг осеклась и тихо добавила: Нет, не хочу я вскрывать эту могилу.

– Что с тобой? – удивленно взглянул Обручев на оперативницу, пытаясь понять, куда делось ее боевое настроение. – Никак, испугалась?

– Нет, но на душе как-то беспокойно. Грешно это – вскрывать чужие могилы. Давай, Анатолий, максимально протянем на дальний срок эту неизбежную процедуру, а пока все силы бросим на поиск Скворцова. Эксгумацию хочется провести в последнюю очередь, когда все наши потуги по поиску могильщика Скворцова будут исчерпаны. Для меня служебный долг прежде всего.

– Да не бойся, это же всего-навсего оперативный осмотр возможного обнаружения следов преступления. Я знаю многих оперативников, которые вскрывали могилы, и ничего с ними не случилось.

– А Вася Оконешников? Ты слышал, что с ним стало после эксгумации одного трупа?

– Слышал, что Василий сильно болел, ушел на инвалидность. Но про эксгумацию, которую он проводил, мне ничего не известно.

– Да, так и было, болел он сильно. Но всему этому предшествовало вскрытие могилы женщины следственной группой прокуратуры, куда входил и Василий. Пострадал только он. Рассказать?

Обручев взглянул на часы и, присев на стул, тихо проговорил:

– У нас в запасе час-полтора. Василий был хорошим опером, надежным товарищем, и я хочу узнать, что с ним случилось.

Людмила взволнованно отхлебнула воды из стакана и начала свой рассказ.

6

– Помнишь, Толя, три года назад ты перевелся в управление к «тяжам», и в это же время к нам отправили несколько оперативников из районов для стажировки? Они сначала проходили подготовку в учебном центре, а потом их направили к нам на практику.

– Да, припоминаю. С того времени знаю Василия, он ведь и у нас проходил эту самую стажировку.

– Да, да, после нас он ушел к вам, к «тяжам». Василий был по-деревенски простым, пышущим здоровьем парнем. Шустроватый и инициативный, темперамент перехлестывал через край. Он быстро вошел в коллектив, своей энергией заводил моих оперов, но был у него один недостаток: когда приезжали на место преступления, всегда лез вперед, иногда нарушая порядок вещей и уничтожая следы преступления, за что несколько раз получал от меня замечания. Однажды вообще поставил меня в неловкое положение. Брали вооруженного преступника, который, по нашей информации, должен был прятаться в одной блат-хате. Я со своими ребятами, в том числе и с Василием, ночью подкралась к этому дому. Поскольку у него не было табельного пистолета, ему выдали автомат. Перед дверью он, как всегда, впереди всех, а меня, как женщину, галантно отгеснил назад. Когда ворвались в дом, застали там несколько человек, сидящих за столом при свечах. От образовавшегося сквозняка открытой двери свечи задуло, и в крошечной темноте прозвучал громогласный голос Василия: «Всем оставаться на своих местах, мы из уголовного кодекса!» Я крикнула, поправив его: «Уголовного розыска!» Хорошо, что догадалась взять с собой фонарик, – преступника поймали. Наутро об этом конфузе узнали все, на планерке у начальника над нами повеселились от души... И вот эта привычка лезть вперед батки в пекло сыграла с ним злую шутку... – Яковлева встала и в волнении прошлась по кабинету, с силой разминая пальцы рук. Немного успокоившись, она продолжила: – После стажировки Василий уехал к себе в район, и я забыла про него. Прошло более двух лет. Однажды вечером я уже собралась идти домой, как в это время в кабинет зашел сторбленный, кашляющий старик и поздоровался со мной, назвав меня по имени и отчеству. Я разглядывала его, пытаюсь узнать, кого же ко мне привело в столь поздний час. Увидев, что я его не узнаю, человек назвал свое имя, и я просто потеряла дар речи! Передо мной стоял Вася Оконешников – этот оптимистичный здоровяк, каким я его знала всего-то года два назад, а теперь сломленный, больной человек! Я усадила его на стул и стала расспрашивать, что с ним случилось, почему он сейчас в таком состоянии, но ответа не последовало. Он очень тяжело дышал, в руках держал баночку, куда поминутно сплевывал белую пену изо рта. От такой картины я даже всплакнула немного, мы сели друг против друга и надолго замолкли – тишину прерывал только тягучий кашель Василия. Наконец я не выдержала и повторила вопрос. Только тогда он рассказал свою жуткую историю, от которой я не смогла отойти несколько дней. А дело было так: Василий после стажировки вернулся в свой район и успешно работал, стал одним из лучших сотрудников отдела. Однажды в прокуратуру района поступила жалоба, что некая гражданка Семенова год назад была похоронена без вскрытия тела, а так как умерла она от побоев пьяницы-мужа, родственники требовали эксгумации. Дело происходило в конце лета, следственная группа выехала на кладбище, расположенное в трех километрах от поселка. Когда рабочие сместили в сторону надгробный памятник и приготвилились к рытью, откуда ни возьмись, появился старик и предостерег присутствующих:

– Худое дело затеяли. А ведь женщина-то была непростая, она правнучка известного в этих краях шамана. Прежде чем пуститься в такую греховность, надо умолять высшие силы, чтобы они не гневались, накормить их досыта, дабы они уняли свое негодование...

Василий подскочил к этому старику и стал толкать его в сторону, приговаривая:

– Иди отсюда, пьянь, тут тебе никто не нальет и стопочки!

Когда рабочие начали рыть могилу, старик словно улетучился – никто не видел, как он ушел.

Вскоре рабочие вырыли яму до надгробной дощатой ниши. Нет, чтобы Василию дождаться, когда рабочие закончат свое дело, он решил поторопить события: приказал рабочим выйти из могилы, схватил с земли топор и, спрыгнув вниз, с размаху ударил им по доске. Тут случилось невероятное: из образовавшейся дырки с шипением стал вырываться воздух, он был ощутим на взгляд – серовато-белесого цвета, и ударил Василия по лицу. Стоявшие вокруг люди бросились врассыпную. Василий тоже выскочил из могилы, попытался улыбнуться вслед убегающим людям, но вдруг почувствовал во всем теле слабость и резко присел на землю. Далее произошло ужасное... – Людмила еще раз отхлебнула воды, пальцы ее мелко подрагивали. Немного помолчав, она вздохнула и продолжила дальше: – Василий на глазах у всех стал опухать. На груди порвалась рубашка, он начал задыхаться, на отеком лице рот и глаза превратились в почти невидимые щелочки, пальцы в сардельку... Он потерял сознание, а когда очнулся, то ничего не видел, поскольку не мог приоткрыть распухшие веки. Люди с ужасом наблюдали, как за считанные минуты Василий превратился в неузнаваемое существо. Когда его под руки вели в машину, он жестом показал, что ему надо покурить. Кто-то подал ему курево, но он даже не смог взять его в рот, так как губы, разбухнув до невероятных размеров, были плотно сомкнуты. Тогда ему пальцами раздвинули губы и вложили туда сигарету. В больнице Василию поставили капельницу, дали противоаллергические средства. К вечеру ему полегчало, отечность немного спала, и его отпустили домой. Но ночью он снова попал в больницу, поскольку опять стал задыхаться. Пролежал там полмесяца и выписался с диагнозом астмы тяжелой формы. Далее он работать уже не мог, ушел с работы по инвалидности.

– Все, о чем ты мне сейчас поведала, это просто ужас! – тихо проговорил Обручев, впечатленный рассказом оперативницы. – Но этому есть объяснение – трупный яд... Тут никакой мистики, думаю, нет.

– Когда я была в морге, разговаривала с экспертом, он мне объяснил, что существование трупного яда – спорный вопрос. Нет четкого определения, что это такое, но патологоанатомы иногда заражаются им во время вскрытия трупа через порезанную кожу на руке. Когда я описала случай с Василием, эксперт не исключил, что трупный яд может передаваться и воздушно-капельным путем. Тем более в бескислородной, анаэробной среде токсины могут приобрести другие, более опасные свойства.

– Да, да, тут ключевую роль сыграло, наверное, отсутствие кислорода при разложении тела покойной. Например, смертельный ботулизм развивается в анаэробных условиях и может передаваться даже воздушно-капельным путем. Но ботулизм не действует моментально, там присутствует инкубационный период, а тут что-то другое, быстродействующее, но из той же области... Люда, сколько мы с тобой трупов перетаскали, перенюхали – навдыхались этого душка, но не заразились же до сих пор – потому что все они находились в кислородной среде, ботулизма или чего-то другого там не бывает в принципе.

– Все это правильно, но... Василий после того случая искал старика, который подходил к могиле. Но никто не мог объяснить, откуда он. В поселке такого человека нет. Да и выглядел он не по-современному: холщовая рубаха, косматые волосы... Одним словом, Василий думает, что этот старик из потустороннего мира, может быть, сам прадед той самой покойницы.

– Ну, ты скажешь тоже, – пожурил Обручев Людмилу. – Так можно и до чертиков договориться. Короче, так: сегодня вскрытие могилы отменяем, два-три дня плотно поищем Скворцова, а там будет видно. А сейчас я схожу в морг, побеседую с работниками, может, что интересное подскажут насчет разыскиваемого.

– Отлично! – приободрилась Яковлева. – Я всех брошу на поиски этого могильщика!

Мелкие хулиганы, заметно продрогнув, топтались возле «Москвича». В руке у хирурга была хозяйственная сетка с продуктами, молодой держал в руках трехлитровую банку алычового сока.

– Мужики, пройдемте ко мне в кабинет, – издали крикнул им Обручев, взмахом руки приглашая пройти в управление.

Войдя в кабинет, он тут же объявил:

– Сегодня работа отменяется. Я сейчас отпускаю вас домой, побудьте в семье до вечера, а там явитесь в изолятор. Дежурному доложите, что весь день были на кладбище – рыли могилу. А через два-три дня я вас заберу обратно, и уже по-настоящему пойдем копать. Согласны?

– Конечно! – обрадовались хулиганы. – Дома помыться, побриться, поменять одежду...

– Тогда до свидания!

– А продукты? – вопросительно глянул на оперативника хирург. – На ваши деньги же куплены...

– Оставьте себе, – махнул рукой Обручев и улыбнулся: – Считайте, что от меня «грев» (продуктовая передача в тюрьмах). Вечером возьмите с собой в тюрьму.

– Ой, спасибо! – поблагодарил хирург опера, подбирая с пола сетку, и добавил: – банку сока оставим пока у вас, в изоляторе стеклянную посуду не пропускают.

– Конечно. Затолкайте в тот угол, где вещественные доказательства.

Когда арестованные выходили из кабинета, Обручев остановил хирурга вопросом:

– Сергей, а где ты сейчас работаешь?

– Пока нигде.

– А хочешь, я переговорю со знакомым врачебным начальником насчет работы? Только надо бросить пить...

– Я подумаю.

– Давай, думай. Через два-три дня встретимся, там и скажешь.

По следам банды

1

Прибыв после обеда в бюро судебно-медицинской экспертизы, Обручев решил сначала зайти в морг, поговорить с санитарями. Обычно все вскрытия трупов происходят до обеда, и, если нет ничего экстренного и завала криминальных трупов, после обеда в морге бывают только санитары, которые прибираются и вычищают все к следующему дню, выдают покойников родственникам, совместно с городской похоронной командой занимаются вопросами захоронения бездомных бродяг и неопознанных тел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.